

МАМА

Мама умерла внезапно от паралича сердца (таков был тогдашний диагноз). В тот вечер у нас в львовской квартире веселились гости, мама в длинном вечернем платье фотографировалась, смеялась, но вдруг ей стало плохо. Меня изолировали в отдельной комнате, и я только слышал, как суетились люди, хлопали двери, и отчаянно лаяла наша собачка Ролька. Запах лекарств заполнил квартиру, папа ходил с перекошенным лицом... Прощались с мамой в часовенке на Лычаковском кладбище, теперь она уже в Москве, в могиле на Ваганьковском. От мамы сохранилась только старомодная черная сумка – и всё, больше ничего уже не осталось. И вот совсем недавно в руках оказалась копия ее письма в секретно-политический отдел НКВД в связи с арестом моего отца, тогда старлея государственной безопасности, обвинение: троцкист и враг народа. Копия рассекреченного

дела получена из ФСБ совершенно официально и помогает понять, каким образом формально обставлялись сталинские репрессии. Сам отец, Петр Федорович, видно, так был рад, что его не расстреляли, а выгнали из органов, более того, даже помогли устроиться на приличную работу, что относился к аресту, как к нелепому и даже забавному случаю. Тем более, что просидел он в заключении лишь несколько месяцев. Однако, уже во время войны, которую он прошел в «Смерше», его большой шеф и приятель Виктор Семенович Абакумов сказал, что он не получит «генерала», ибо только идиот понесет дело сидельца на утверждение в ЦК. Это было неприятно! Действительно, кто же не хочет стать генералом? Но вышвырнули папу, большевика с 1918 года, не на улицу, а на должность уполномоченного по мерам и весам измерительных приборов в Киеве с трехкомнатной(!) квартирой на улице 25-го октября. Тогда он был в одиночестве, а в позднесоветские времена это место стало солидным Комитетом стандартов, фактически министерством – вот он звон Паркинсона! Папа пережил сумасшедшие годы гражданской войны, ожесточенную борьбу с антоновцами и другими инсургентами, которых тогда называли бандитами, участвовал в арестах и вдоволь нахлебался всего. Долго работал в ключевом СПО - секретно-политическом отделе (его возглавляли такие деятели как Агранов, Курский, Молчанов, все пошли под нож в 37-м). Великий Маяковский, друг Агранова, восторженно писал: «Громи врага секретчики и крой кро!», т.е. СПО и КРО – контрразведывательный отдел. Так что папу укатали чекистские горки, накатался он вдоволь. Поэтому, когда ему стукнуло 50 (а выслуга уже была за 30) он ухитрился соскочить с весьма приличной должности зам. нач. управления контрразведки в Куйбышеве на полковничью пенсию по состоянию здоровья. Папа происходил из крестьянской семьи в г. Кадоме, что в Тамбовской губернии, немного работал слесарем, в революцию уехал в Тамбов на заработки, где и загремел в ЧК как достойный «классовый элемент». Он окончил церковно-приходскую школу, даже пел в хоре с братом, имел неплохой лирический тенор. Уже в ЧК, закончил рабфак, так что фактически хорошего образования не было. Из заполненной им в тридцать седьмом анкеты арестованного вырисовывается более радужная картина: профессии и специальности, оказывается, нет, социальное положение из крестьян-батраков (!), образование среднее. Правда, отец любил книги, особенно Толстого и Чехова, много читал, часто ходил в театр, особенно, в оперу, мечтал о карьере певца. О Троцком он, конечно, слышал, даже участвовал в аресте его жены (она кричала «Вы знаете, что подняли руку на вождя революции?!»), но вряд ли представлял, что такое троцкизм, кроме как оппозиция сталинскому режиму. Я сам не вылезал из изучения партийных документов, даже сдавал много раз экзамены по истории партии, включая на кандидата исторических наук, я даже Троцкого читал, и что я могу сказать? До революции Ильич не раз клеймил его, как «иудушку», но в результате принял его в РСДРП (б) и ночевал с ним в Смольном в ночь на 25 октября. Троцкий был одним из организаторов Октября, создателем Красной армии, победившей в гражданской войне. Лозунг мировой революции тогда разделяла вся партия, включая Сталина, который в 1920 году вместе с Тухачевским участвовал в войне с Польшей, правда, безрезультатно. Сам Сталин, в угоду союзникам распустив Коминтерн, активно поддерживал революцию в Китае и создание КНР, и успешно преобразил Восточную Европу в «страны народной демократии»- разве это отказ от мировой революции? Хрущев и позже Брежнев поддерживали революционную Кубу, Никарагуа, Вьетнам и большинство национально-освободительных движений. В перестройку все это сошло на нет, а ныне США и другие страны экспортируют цветные и подобные революции во все страны, включая Россию. В оппозиции Троцкий проиграл Сталину, осужден партией, выслан в Алма-Ату, а затем за кордон. Там он проводил мысль о «термидоре» революции и неизбежном перерождении партии в «новый класс» (это, кстати, сбылось). Сталин его ненавидел и

уничтожил в Мексике. Собственно, какой троцкизм мог исповедовать мой отец и многие другие наши соотечественники? Тогда это понимали, как несогласие с линией партией с клеймом «врага народа». Так как же развивалось дело? Смотрим документы. «В августе 1936 г. в 4-й Отдел ГУГБ поступило заявление от Оперуполномоченного 1 отделения Особого отдела УНКВД Западной области Саввиной. Она сообщала о том, что во время ее пребывания в Москве в 1931 г. (подумать только: целых пять лет дама раздумывала, настучать или нет, кстати, до доноса, как отмечено в деле, встречалась с Рудини, что наводит на некоторые мысли! М.Л.) познакомилась на квартире оперативного работника СПО НКВД СССР Любимова с неким Рудини Петром Борисовичем, который в разговорах с Саввиной проявил себя как троцкист и в личной беседе с ней высказывался в к-р (контрреволюционном М.Л.) клеветническом духе о руководстве ВКП(б) и положении в стране». Кроме этой чекистки, в гостях у отца в недавно полученной им квартире в Даевом переулке было еще несколько сослуживцев, которые и привели с собой бдительную чекистку из Смоленска. Согласно ее доносу, никто из присутствующих этого разговора не слышал, Саввина якобы сообщила тут же о своем разговоре моему отцу, но он только высказал свое недоумение. Однако, чтобы закрыть донос, отца заставили написать объяснение, что он и сделал, полностью отрицая и свою беседу с Саввиной, и знакомство с Рудини до прихода его на вечеринку. Нормальному человеку трудно представить психоз в стране, развернутый под руководством ВКП (б) во главе с тов. Сталиным, представляете, если все граждане начнут вспоминать с кем и о чем они говорили 5 лет назад на разных вечеринках? Теперь стоит представить, сколько чекистских сил потрачено на изучение этого доноса: проведена установка всех действующих лиц через разные картотеки, собраны на них сведения, возможно, за кем-то выставлено наружное наблюдение, организована прослушка. А ведь таких доносов даже официально было свыше двух миллионов, и становится понятно, почему органы работали почти до самого утра. И все равно не успевали. В данном случае после объяснительного рапорта отца начальство делу хода не дало, однако, вскоре внезапно всплыло другое обстоятельство: был арестован «активный член к-р организации Нестор Голубенко», женатый на Татьяне Болтынской, троюродной сестре моей мамы. Отец знаком с Голубенко, вместе с моей матерью бывал у него дома, принимал супругов у себя. Он снова пишет рапорт, в котором объясняет, что «он изредка встречался с Голубенко в семейной обстановке и что во время имевших место встреч Голубенко в его присутствии никаких разговоров политического характера не вел и никаких антисоветских высказываний или настроений с его стороны он -Любимов- не замечал». Несчастный Голубенко выбросился в пролет лестницы на Лубянке и, умирая, попросил вызвать отца. Его тут же грозно спросили: «Зачем?!». «Голубенко ответил: «Любимов, повидавши меня, расскажет моей жене о моем состоянии». Но рьяные чекисты не слезали с умирающего. «На вопрос у Голубенко - а Вы рассказывали Любимову о Ваших настроениях....он ответил: «Нет, не говорил». На повторный вопрос (представим допрос умирающего) Голубенко ответил также отрицательно». Но и этого показалось мало, поэтому был допрошен другой «участник к-р группы» Самойлов, который подтвердил, что Голубенко является дальним родственником моего отца по жене и что «в присутствии этого сотрудника НКВД (отца М.Л.) никаких антисоветских разговоров не велось». Казалось бы, вопрос исчерпан, «больше никаких материалов, устанавливающих связь Любимова с Голубенко, а также о характере этой связи, в деле не имеется». Однако, чекисты прекрасно знали, что лучше перебдить, чем недобдить, этого требовала великая партия, показатели арестов врагов народа должны расти такими же темпами, как рост добычи угля и стали, как рост урожайности! Поэтому в феврале 1937 года после обыска на квартире в Даевом переулке Любимов П.Ф. был арестован, сдал на хранение наручные часы, получил взамен

квитанцию, приобщенную к следственному делу, и был препровожден в камеру. Мне еще не было трех лет, иначе я, конечно, в красках живописал бы арест не хуже Льва Николаевича. Но речь дальше пойдет не об отце, а о моей маме Людмиле, отец обращался к ней не иначе, как к Милочке, о ее терзаниях и муках в связи с этим арестом. Ее не отправили в ссылку или на рудники в Сибирь, как множество членов семей «врагов народа», однако, сарафанное радио тут же разнесло весть об аресте, и венец творения, честные советские люди заволновались: а как же квартира врага народа? Претендентов из соседей хватало, на редкость скоропалительно состоялся суд, постановивший уплотнить или выселить семью проклятого врага народа. Правда, какая-то умная голова, еще не сменившая законность на революционную целесообразность, предписала предварительно запросить органы. Ведь Любимов только арестован, но еще не осужден, а другая умная голова из органов подтвердила, что, разумеется, выселение и т.п. возможны лишь после вынесения приговора (а злые языки, иностранные агенты утверждают, что советская власть во всем всегда несправедлива). Мама была в отчаянии, шутка ли, остаться одной с трехлетней на руках и мрачной перспективой. Более того, ее мучило, что отец загремел в тюрьму исключительно по её вине, угораздило же ей быть троюродной сестрой жены государственного преступника! Что делать и что вообще можно сделать, когда вокруг царит такая вакханалия? Маму вызывают в папин отдел на допрос, как это происходило, нигде не отражено, но после этого визита несчастная Милочка пишет письмо Виктору Николаевичу Ильину, другу дома и коллеге папы по секретно-политическому отделу, который вел допрос. Разумеется, Ильин передает это письмо чекистам, занимавшимся отцом, и они прилежно приобщают его к следственному делу. Мама пишет, что на встрече нервничала и волновалась, а сейчас желает изложить всё в письменном виде. Тут она берет всю вину на себя: приехала в ноябре 1931 года в Москву, жить негде, временно поселилась у троюродной сестры Тани, муж ее оказался недружелюбным, более того, «этот человек ужасный деспот, хам, самовлюбленный, вообще неприятный тип». Думается, это не так или не совсем так, но мама пытается спасти всю нашу семью, как-то отмыться, не писать же, что враг народа был добряком и рубахой-парнем? Не написала же, что агент царской охраны или друг Троцкого, в конце концов, в России нет недостатка в хамах, и даже покойный тов. Ленин считал Иосифа Сталина грубияном, но генсеком его все же сделал. Да, они с мужем приглашали чету Голубенко на новоселье в 1932 году, в Даев пер., они немного посидели и уехали. А в 1936 году маму посетила Татьяна, за которой потом заехал на машине муж, не раздевался (!), забрал жену и уехал. Всеми силами мама пытается доказать, что никакой близости с троцкистом и вражиной Голубенко не было и в помине, даже совсем наоборот. Приходили мама с отцом к Голубенко на празднование Великого Октября 7 ноября, пришли поздно, гости уже отужинали и играли в шахматы (интересный штрих, а говорят, что на Руси допиваются до положения риз). Хозяин их встретил, познакомил с гостями и ушел доигрывать партию, а «Любимов остался в дамском обществе», словно предчувствовал, что Голубенко арестуют. Правда, признается мама, один раз с мужем и ребенком они пришли в гости к соседям Голубенко, чете Кащенко (мама в свое время переселилась к ним от «хама» Голубенко), там появился и Голубенко, «у которого попросили машину, чтобы отвезти ребенка» (вот и я попал в мировую историю!). Папа не одобрял контакты с Голубенко. «Считаю необходимым подчеркнуть, что каждый намечаемый мною «визит» к Голубенко стоил всегда больших углов, слез и скандалов, я всегда ссылалась на то, что мне неудобно избегать с ними встреч, т.к. я считала себя обязанной, благодаря тому, что она меня приютила и этим дала мне возможность жить в Москве. Дело в том, что Любимов не только избегал общества Голубенко, но и общество других моих знакомых, т.к. Любимов всегда больше предпочитал свою среду». Увы,

девушка Саввина, наклепавшая на папу была именно и этой среды, да и сам Рудини раньше служил в ЧК. Куда же деваться? Разве что укрыться от врагов народа на необитаемом острове? Далее мама уже грудью пошла на защиту отца: «Я же, понятно, имела своих знакомых потому, что Любимов работал дни и ночи (!), а я была предоставлена самой себе». Когда арестовали Голубенко, отец попросил маму разорвать отношения с этой семьей. «В конце концов, когда из деликатной формы Любимов перешел в угрожающее наступление вплоть до развода со мной, я обещала с женой Голубенко прекратить встречи». Но, по признанию мамы, слова она не сдержала и один раз в январе 1937 г. «навестила жену Голубенко, она была больна после операции в б-це. Понятно, об этом случае я ему не рассказала». Конец письма – это уже крещендо: «За эти три месяца я многое поняла, я научилась тому, чему меня тщетно учил Любимов. Меня невыносимо мучает совесть, что из-за моих каприза и прихоти страдает Любимов, мне больно, что этот безукоризненно честный человек морально погибает или из-за какого-то недоразумения, или из-за клеветы». Мне очень жалко маму, видно, как она изворачивается в своих попытках обелить отца, и действительно, кто же мог знать, что троюродная сестрица выйдет замуж за врага народа, потом, кстати, реабилитированного? Но любой человек – жертва обстоятельств, и в обстоятельствах чрезвычайных он меняется чрезвычайно, до неузнаваемости. Представьте теперь, дорогой читатель, в каком смятении метались башки советских людей в свистах всесоюзной кампании по ловле и умерщвлению пресловутых врагов народа. Как судорожно писали друг на друга, как подслушивали друг друга и выискивали, что бы такое грязненькое воплотить на бумаге. Одни метили в тех, кто просто не нравился, либо мордой не вышел, либо дорогу перешел, либо мешал перебраться на следующую ступеньку карьеры – да мало ли у венца творения поводов для сотворения гадости? А уж жилплощадь заполучить, да еще в хорошем месте на Сретенке, в условиях массовой скученности населения – это мечта жива и ныне, когда некоторые господа даже отстроили золотые унитазы. История показывает, что власть в любой стране может раздуть любой вид массового психоза, будь то космополит (сам видел, как выгоняли евреев из московского трамвая). Квасной патриотизм, когда режут трубы и гремят марши, русофобия на самый идиотский манер с придумкой фантастических историй о злодеяниях русской разведки... Хомо сапиенс подвержен влиянию, и при надлежащей пропагандистской обработке легко преобразуется в барана в стаде. Как писал Бертольд Брехт, «Шагают бараны в ряд, бьют барабаны, кожу для них дают сами бараны». Тем не менее – о, роковая случайность - уже упомянутый Виктор Ильин во время дежурства по отделу и доклада начальнику осмелился молвить «За что сидит Любимов? Как он может быть троцкистом, если он только слышал о нем? Дело же его выеденного яйца не стоит». Так рассказывал нам с папой сам Виктор Николаевич в 50-х, когда после смерти вождя народов вернулся из лубянской тюрьмы, где просидел в одиночке целых девять лет. Короче, папу освободили, мама плакала от счастья, переезд в Киев в престижную квартиру было встречено на «ура», начиналась новая счастливая жизнь. Даже мне запомнилась благодатная предвоенная атмосфера, я сам, читавший волшебную книжку о Нильсе с дикими гусями, отец, нежно поющий мне перед сном своим нежным, лирическим тенором колыбельную, написанную вроде бы самим Моцартом: «Глазки скорее сомкни. Спи, моя радость, усни!». Я был влюблен в некую соседскую девочку Лену и даже играл с ней в дворовой песочнице в «папу и маму», хорош гусь, уже тогда приударял! Предвоенная жизнь многим казалась сущим раем, и вдруг грянула война, проклятая война. Как снег на голову, как внезапное землетрясение! Никто не сомневался, что всемогущая Красная Армия через пару дней, крепко дав по зубам вероломному зверю, отгонит фашистов в свою родную дыру – об этом постоянно твердило радио и писали газеты. Однако, тучи сгустились. Папу тут же призвали

в родные органы, забыв о его троцкистских приключениях, и отправили на фронт в будущий «Смерш». Увиделись мы лишь в 1944 году. Мама, недолго раздумывая, собрала вещи и меня, мы погрузились в эшелон и направились к ее родителям в Днепропетровск, где собирались переждать, пока бесстрашные красноармейцы не отгонят фрицев назад в Германию. Хорошо помню, что нас на пути бомбили, мы прятались в убежища, эта «романтика» мне по детской глупости очень нравилась, я не хотел прятаться и радостно глазел на наши и немецкие самолеты, извергающие огонь, на фоне темного неба и загадочных звезд это выглядело весьма живописно. Слабой памятью я не страдаю, но мое детство и то время запомнились как мгновенный огненный смерч: прибыли в Днепропетровск к деду Вениамину Борисовичу, видному профессору (в прошлом меньшевику, как это кадры органов разрешили чекисту жениться на дочке врага большевиков?) и бабушке Любовь Борисовне, домохозяйке, тяжело больной диабетом и пишущей стихи (сохранился один, посвященный любимому внуку, с пожеланиями идти по пути, начертанному тов. Сталиным). Видно, на семейном совете на ул. Карла Маркса (там жили мамыны родители, это моё первое пристанище после роддома, что весьма и весьма символично!) усомнились в силе Красной Армии и мудрости наших полководцев, ибо почти сразу мы все вместе рванули в Таганрог к тете Ане.

Нет сомнения, что если бы мама со мной остались в Киеве, то с помощью добрых соседей немцы быстро вычислили бы маму-еврейку и меня, чекистское отродье, и гнили бы мы наверняка в Бабьем Яре вместе с другими несчастными. Вот письмо от отца 27.07. 1941 года, он проходил переподготовку в районе Киева: «Мои родные, Милуша и Мишуня! По ряду понятных обстоятельств писать вам, к сожалению, не мог... Теперь я зачислен на работу в особый отдел Юго-Западного фронта и, более-менее, буду находиться в одном месте.... Вчера перевел вам по почте (телеграфом не принимают) 1500 руб. А вообще pošлю аттестат, по которому можно будет получать деньги в любом военкомате или НКВД... Мишутка, как твои дела? Чем ты занимаешься? Хорошо ли умеешь читать и писать? Учишь ли немецкий язык? Занимаешься ли физкультурой? Напиши мне обязательно, Мишка-

Шишка... Обнимаю и целую вас всех. Папка-Потапка». Письмо получили уже в Таганроге, помню его смутно, всплывает почему-то набережная Азовского моря, священник, я спрашиваю маму: «почему дядя в юбке?», а дядя говорит маме «плохо воспитываете мальчика!». Но немец пёр и пёр, куда драпать дальше? В памяти мама грузит меня и родичей в переполненный вагон, пересадка в Сталинграде, толчея невероятная, шум и гам. Маму не пускают в вагон, она протискивает меня туда через окно, кричит, что жена фронтовика, меня хватают крепкие руки мужиков в форме, вокруг дым столбом, все отчаянно курят, крепко воняет потом, я в ужасе: вдруг маму не пустят? Но ее пропускают – и я счастлив! Боже, сколько она натерпелась! Обосновались в Ташкенте. Одноэтажный, удлинённый барачный дом, комната, заваленная саксаулом, рядом парк железнодорожников, трамвай (сам видел, как зарезало женщину), арыки, по которым пускал бумажные кораблики. Дед-профессор с бабушкой, страдавшей диабетом, вскоре померли. Жили на отцовский аттестат, он отдал его нам (кстати, на фронте прибавил в весе). Я вертелся во дворе, мальцов и постарше хватало, нами заправляла мелкая шпана. Центром внимания ребятни была попивающая баба, постоянно сидевшая на ступенях магазина раскорячку. Мы располагались пониже, жуя жмых и устремив взоры на нечто загадочное под платьем. Курили махорку, используя зажигалки-самоделки из отстрелянных гильз. Крупным событием явилось мое пребывание с мамой в бане, видимо, по велению Неба - женской. О, эти милые треугольнички, с которых я не спускал глаз, опущенных якобы долу... «Зачем вы взяли мальчика? Он же уже взрослый!» - укоряли маму голые бабы. Я писал папе стихи, разумеется, патриотические: «Ты там, ты там во тьме ночной, в землянке и в огне! Но знаю я, что ты, родной, всё думаешь О мне» (это «о» до сих пор вгоняет меня в краску). Послал в «Пионерскую правду», ответили очень ласково, но не напечатали. Мы с ребятами бесконечно играли «в войну», «немцами», разумеется, быть никто не хотел, бросали жребий. Уж не знаю, почему, но во дворе мне приклеили две клички «Геббельс» и «Красножопый», в первом случае это объяснялось большой головой, это неприятно, но уважительно, а уж второе – чистая мистика, игра тонкого хулиганского ума, хотя, возможно, -ведь я не вижу- это священное место иногда наливается правозверным цветом. Благодаря заботе отца, мы не голодали, я занимался немецким языком, дабы быстрее уйти на фронтную разведку и «брать языка», за мамой начал ухаживать летчик-подполковник, прилетавший в Ташкент из Ирана, оккупированного тогда нашими и английскими войсками, он заваливал меня подарками, запомнился мохеровый свитер и масса банок американской свиной тушенки. Но я был неподкупен и горд, подарки принимал, но любил только папу, а не этого хлыщеватого подполковника. Мама иногда вечерами оставляла меня в моих саксаулах и уходила к нему на свидания, меня это бесило до слез, я плакал в одиночестве и просил Бога, чтобы мама быстрее вернулась. И она возвращалась! Однажды у нас был тогда известный чтец и конферансье Илья Набатов, который занес меня в скрижали истории. «Как-то под ташкентской крышей, поздним летним вечерком познакомился я с Мишей, любопытным пареньком. За столом сидели мило: батальонный комиссар, Антонина, я, Людмила. На столе был самовар. Самовар оригинальный синий чайник заменял. Мы для Миши строим спальню, чтобы он за ширмой спал. Он на вид смирей барашка, а на деле он герой, у него за ширмой шашка, куча камней за стеной. Спи, ребенок! Сладко спится... Чтoб во сне ты увидал, будтo у тебя петлицы, на петлицах восемь шпал». А ведь угадал Илья Набатов насчет будущего полковника, он даже желал еще больше угодить, написав там же: «Миша – настоящий маршал детской армии своей!», но тут дал маху старик, слишком на крутой путь меня благословил... Уже в детстве я начал работать над собой, взял у старика - соседа «Капитал» Карла Маркса, кое-что прочитал, и мама гордо говорила подругам: «А Мишенька у нас уже читает Маркса! – от этого приятно

щекотало в животе. С Папкой-Потапкой шла постоянная переписка, хотя почта приходила нерегулярно, он писал мне и маме одновременно, вот его письмо. «Мила, получил от тебя целую пачку писем. Самое приятное из них – последнее (от 22.XI), это то письмо, которое ты писала мне на фронт. Его я получил только сию минуту – принесла рыжая девчонка из ППС (полевая почтовая служба, РЕД). Вот сейчас я сижу в деревенской избушке в своем «кабинете» и пишу это письмо. Одет я очень тепло: валенки, двое теплых чулок (одни из них меховые – унты), шапка – ушанка, теплое белье, меховая безрукавка (самурайка), длинный полушубок, перчатки кожаные, а под ними шерстяные, теплые стёганые штаны. Когда всё это надеваешь, то никакой мороз не страшен, даже на открытом самолете». Дабы читатель не падал в обморок от этого шикарного и избыточного гардероба, поясню, что отец на всех фронтах служил в летных частях, там было соответствующее материальное обеспечение. Далее: «Ты напрасно хлопочешь насчет посылки для меня. Получить ее, конечно, приятно, но разве можно в твоём положении заниматься такими вещами? У меня нет ничего лишнего, но меня ведь государство снабжает всем необходимым, даже 100 г. водки ежедневно. Очень прошу тебя больше не посылать мне посылок, не отрывать от себя, т.к. в этом нет острой необходимости». Для письменного общения со мной папа придумал мальчика Костьку, который тоже воюет и лупит немцев, этому Костьке я очень завидовал, ибо, как и все ребята, рвался на фронт. «Мишенька, родной! Посылаю тебе боевой, фронтовой, пламенный привет! Будь уверен, что папка твой не подкачает. Пока он жив и здоров, пока у него бьется сердце, пока он видит, а руки его работают, пока есть патроны в автомате и пистолете, - он будет разить проклятую фашистскую гадину, которая разлучила тебя со своим папкой. Для папки твоего будет самым приятным, если ты будешь все время учиться на «отлично». У тебя очень много ошибок в письме. Ты запоминай, когда твои ошибки поправляют. Ты пишешь, что послал мне «песьмо», разве «песьмо»? Естественно, папа, кроме пафосных заявлений и замечаний рассказывал, например, что «Костька получил звание «сержант», летает на истребителях и штурмовиках. На - днях он летал на истребителе и сбил два самолета противника М-е 109 (мессершмитт), это тоже истребитель одномоторный и одноместный». Так мы переписывались всю войну, пока отца после освобождения Львова не назначили зам. начальника управления «Смерш» Прикарпатского военного округа. Похоронив почти сразу двух родителей мама рвалась в Москву и уже в начале 1944 года мы туда переехали и остановились в комнате подруги мамы Зои Кирилук, жившей в районе Большой Серпуховской. Моя жизнь в Москве, в которой еще оставались аэростаты и затемнение, была весьма насыщенной. В школе (3-й класс) порой лупили ранцами как чужака (возможно, красножопого), в туалетном столике хозяйки Зои я обнаружил презервативы, пахнущие тайной и чрезвычайно меня возбуждавшие. Я уже начал общаться с девчонками, до сих пор помню, как сидел на коленях у какой-то толстушки, мы вместе пили вино, целовались и распевали блатную «На корабле веселые матросы, ворчит на них сквозь зубы бравый капитан. У юнги Билля вздрагивают губы, и пристань ищет взглядом сквозь туман. На берегу осталась крошка Мэри...». Мама поступила на работу в какую-то артель, делавшую бусы, я ей помогал и исправно раскрашивал изнутри пустые стекляшки - заготовки, которые потом нанизывали и превращали в красочное украшение. Мы с ребятами часто ездили в центр, до метро Серпуховская добирались на трамвае, разумеется, «зайцем» на буфере или на подножке, соскакивали на ходу перед остановкой, дабы не заграбастали менты. С восторгом лицезрели знаменитый проход немецких пленных через Москву, тогда меня поразило, что многие наши женщины, не боясь охранников, охали и давали пленным хлеб и другую жратву. Однако, уже к концу 1944 года после настойчивых призывов отца мы прибыли во Львов. Это была уже абсолютно другая жизнь, без жмыха и жалкой

коммунальной комнаты. Львов почти не пострадал во время войны и оставался симпатичным европейским городом. Папин «Смерш» расположился на улице Гвардейской (ранее Кадетской ныне – парадокс истории! – Героев Майдана) в бывшем здании гестапо. На торце здания еще оставались глубокие следы от сбитого фашистского герба, рядом Стрыйский парк, уютная тихая улочка, где раньше в особнячках размещались фашистские бонзы, которых сменили сливки обкома партии и отцы города. Внизу для пущей радости - управление Министерства государственной безопасности.

25.06.1946 Г.Львов , школа

Наша трехкомнатная квартира недалеко от «Смерша» на той же улице поражала и приводила в восторг: стены расписаны райскими птицами краской через трафарет, странно, что отсутствовали ангелы с крылышками и небесные сады. Мебель в то время попросту забирали из опустевших вражеских учреждений и квартир, гоняли даже грузовики в Польшу и Германию. Так что нас встретили столовый гарнитур морёного дуба, с резным буфетом, причудливо изогнутыми спинками стульев и игривая спальня карельской березы для счастливых супругов. Не знали, куда девать трофейные машины, за отцом числилось целых пять штук, включая «хорх» и мою любимую бежевую «ауди» с открытым верхом. Для личных целей отец еще за гроши прикупил себе маленький «опель кадет», но водить он не умел, хозяйской жилкой не отличался, забыл спустить зимой воду и угробил мотор. Мама отвела меня в 3-й класс тамошней школы, там изучали украинский язык и литературу, даже Панаса Мирного и Лесю Украинку, там я закончил семилетку. Читал с воодушевлением ср школьной сцены Павло Тычину: «Людина стоить в зореносним Кремли, людина у сирий вийскової шинели. Ця поступь знайома у кожний осели, у кожний будови на нашій землі». Мама за время войны измоталась и постарела, у нее появилась астма и она курила

лечебные папироски. Всегда была жизнерадостна, очень любила гостей и... вдруг! Никогда не забуду, как протяжно, тонко, невыносимо лаяла и выла маленькая собачка Ролька, ее потом задрал на лестнице соседский бульдог! Отец намного пережил маму, не женился, пока я не выпорхнул из гнезда в далекую за границу, умер в семьдесят восемь, я успел прилететь из Дании и с ним проститься. Он вырастил меня, он даже отдал нам, молодоженам, свою квартиру на Соколе, а сам поселился в коммунальной, у своей новой жены – актрисы ЦТСА, красавицы, снимавшейся у Эйзенштейна в «Грозном» - Жени Багорской. Немыслимо представить, какие тяготы, какой ужас выпали на долю папиного поколения! Гражданская война, подавление антоновцев – известное Тамбовское восстание, русская Вандея. Далее по делу «Гомельским судом был приговорен к 4-м годам лишения свободы за самовольный расстрел бандита. В 1926 году амнистирован постановлением ВЦИК». В феврале 1937 года арестован, как троцкист и контрреволюционер, отсидел в тюрьме без всякого суда, выпущен, уволен, но не реабилитирован. С началом войны на фронте в особых отделах, затем «Смерш» в Львове, в 1949 перевод на аналогичную должность в Куйбышеве и отставка в 1951 г. Однако, на этом передрыги не закончились. Когда началась хрущевская оттепель и очередная чистка органов, когда из тюрем покатился вал заключенных, отца вдруг вызвали в некую комиссию по жалобе выпущенной бандеровки, которую он якобы ударил по лицу. Наверное, так оно и было, но отец написал объяснительку, в деле поставили точку, а позже папу даже приобщили к жертвам репрессий и выдали бумагу, похожую на похвальную грамоту. Реабилитация появилась через двадцать с гаком лет после его смерти в «Заключении (о реабилитации) по уголовному делу номер Р-26710 в отношении Любимова П.Ф. от 3 июня 2003 года». В этом документе зафиксировано, что «показания Любимова П.Ф. следственным путем не проверены и не опровергнуты. Достаточных доказательств совершения инкриминированного ему преступления в ходе предварительного следствия не добыто» Дальше скучно и противно читать эту холодно-бюрократическое творение, это «в связи», «с учетом», «в соответствии», в общем, папа облегченно вздохнул на небесах от счастья: наконец-то реабилитировали! Да еще за подписью старшего военного прокурора ГВП, полковника юстиции.